

Панова В. И.

**Социально-значимые аспекты
церковно-политической деятельности князей Руси XII века
по материалам Ипатьевской летописи**

Ипатьевская летопись известна и важна не только древностью своего происхождения, но и уникальностью содержания. Это не раз отмечалось в исследовательской литературе¹. И все же, в ней содержатся такие сюжеты, которые до сих пор не привлекали к себе специального внимания ученых. Цель настоящей статьи – привести некоторые конкретные летописные примеры, из которых следует, что дело распространения христианства в обычных и чрезвычайных ситуациях в XII столетии было частью заботы русских князей и в этом смысле в ранний период русской истории князья выступали в роли пропагандистов православия.

Став всеобъемлющей идеологией, христианство начало распространяться и среди неразвитых народов. К таким народам в широком понятии можно отнести восточнославянские племена, а также народы других этносов, проживавших на территории Восточноевропейской равнины. В литературе обычно о принятии и распространении христианства сообщается с модернистских позиций, с позиций современности – была Церковь, она и занималась церковной деятельностью в интересах господствующего класса. На самом деле требовались века и века для того, чтобы христианская вера привилась и утвердилась. Ведь христианами стали не только князья и их окружение, но и народ. Нужны были не только Церковь с ее атрибутами веры, не только церковные служители, распространявшие христианскую идеологию, прежде всего среди наиболее развитой, как принято сейчас говорить, элитной, части общества. Необходима была повседневная, обычная, понятная простым массам людей, ситуативная работа. Для этого, как можно предположить, исходя из летописных источников, на Руси в X–XII столетиях и позднее не было достаточных условий. Отсутствовали образовательные учреждения, не хватало богослужебной литературы для служителей Церкви и самих церковнослужителей. В таких условиях, несомненно, христианизация Руси не могла не волновать русских князей, для которых православная вера в XII в. фактически стала частью жизни.

Наиболее важными и значимыми центрами христианской веры в древности у разных народов были храмы. Именно храмы служили своеобразными средствами массовой информации, способствующими распространению и утверждению христианства, несущими в формирующееся общество новые нравственные понятия и ценности. Преподобный Иоанн Дамаскин писал: «Если к тебе придет один из язычников, говоря покажи мне твою веру... ты отведешь его в церковь и поставишь перед разными видами святых изображений». Еще попу-

¹ См. напр.: Карамзин М. Н. Об источниках Российской истории до XVII века // История государства Российского. М., 1989. Т. 1. С. 25; Погодин М. П. Исследования, замечания и лекции о русской истории. М., 1850. Т. 4: Период удельный. 1054–1240. С. 48.

лярнее объяснял значение христианских изображений Папа Римский Григорий Великий: «Изображения употребляются в храмах, дабы те, кто не знает грамоты, по крайней мере, глядя на стены, читали то, что не в силах прочитав в книгах».

Приведенные выдержки удивляют поразительным сходством с примером, связанным с ситуативной церковной деятельностью Андрея Боголюбского, сохранившимся в материалах Ипатьевского летописного свода. Подчеркнем, что пример поведения владимирского князя в ситуации, предполагаемой Иоанном Дамаскином, дается только в Ипатьевской летописи в Повести 1174 г. о гибели Андрея. В исследовательской литературе ситуация, обрисованная словами Кузмищи Кианина на незаслуженную, по его мнению, смерть Боголюбского, цитировалась. Приведем эту выдержку: «и рече Кузмище оуже тебе г^{не} паробьци твои тебе не знают иногда бо аче и гость приходиль изъ Ц^{ра}города и ѿ нихъ странъ изъ Руской земли и аче Латининъ и до всего хр^тьянства и до всеѣ погани и реч^ь выведе и въ цр^квь и на полати да видать истинное хр^тьянство и кр^статся и Болгарѣ и Жидовѣ и вса погань видивше славу Б^гю и оукрашение цр^квьное»².

Академик Н. Н. Воронин, прославленный исследователь истории материальной и духовной культуры Древней Руси, подчеркивая мысль о том, что Андрей Боголюбский был, несомненно, «человеком, широко образованным для своего времени», в доказательство цитировал выше приведенные слова летописца. Он сделал собственный перевод летописного текста и отметил умение владимирским князем оценивать «огромную убеждающую идейную силу монументального искусства»³. «Летопись рассказывает, что Андрей любил вводить на хоры своего дворцового собора гостей и послов из других стран и от соседних народов и показывать им великолепие своего храма»⁴. «...Андрею приходилось иметь дело с послами и гостями из греческого и романского мира и соседних нерусских стран»⁵.

Прекрасные слова, написанные Н. Н. Ворониным об Андрее Боголюбском, его великолепных архитектурных постройках и их украшениях, все же, как думается, уводят читателя в мир искусствоведения. Вряд ли Андрей Боголюбский мог глубоко проникнуть в душу язычника красотами своих храмов. Но он мог, находясь в храме, рассказать ему о другом образе и уровне жизни, которые приходят к человеку с его приобщением к христианству.

Н. Н. Воронин воспроизвёл показания летописца не полностью. Он не только оборвал их в конце, но и оторвал от общего контекста Повести. На самом деле в Ипатьевской летописи цитата, выделенная выше, не дается летописцем сама по себе. Летописный текст показывает, что своим содержанием она тесно связана с предыдущим летописным повествованием, где передается душевное состояние и слова Кузмищи Кианина, находившегося в Боголюбове в день убийства владимирского князя Андрея в тот момент, когда убийцы (еретиче) хотели оставить тело убитого на съедение собакам, будучи «выволоченъ в огородъ»⁶. Обратимся к тексту: и «нача плакати над нимъ Кузмище г^{не} мои како еси не вчютиль свѣрныхъ и неч^тивыхъ пагубооубииственныхъ ворожьбитъ своихъ

² Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. 2. СПб., 1908. Стб. 591.

³ Воронин Н. Н. Андрей Боголюбский. М., 2007. С. 138–139.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 130.

⁶ Ипатьевская летопись. Стб. 590.

идушихъ к тобѣ или како са еси не домыслишь побѣдити ихъ иногда побѣжаа полкы поганыхъ Болъгарь и тако плакаса и и прииде Амбалъ⁷ ключникъ Есинь родомъ⁸ тот бо ключъ держашеть оу всего дому княжа и надо всеми волю ему даль башеть и ре^ч възрѣвъ на нь Кузмище Амбале вороже сверзи коверъ ли что ли что постылати или чимъ прекрыти г^чна нашего и ре^ч Амбалъ иди прочь мы хочемъ выверечи псомъ и рече Кузмище ѿ еретиче оуже псомъ выверечи помнишь ли Жидовине въ которыхъ порытѣхъ пришель башеть ты нынѣ в оксамитѣ⁹ стоиши а князь нагъ лежить но молю ти са свѣрзи ми что любо и сверже коверъ и корзно и вбѣртѣвъ и и несе и въ цркъвь и ре^ч ѿтомъкнете ми (божницу) и рекоша порини и ту въ притворѣ»¹⁰.

Из этой части рассказа видно, что ключник Амбал, еще недавно простой осетин-язычник, пришедший к князю Андрею в бедной одежде, теперь, поступив на службу, носит одежду из плотной золотой парчи. Не исключается, что Амбал был одним из тех язычников, которые приходили к владимирскому князю с вопросом «Покажи мне твою веру?». И князь Андрей вводил их в храм, показывал и рассказывал и давал возможность изменить свой образ жизни, и не только внешний, но приобщиться к понятиям иного, более высокого уровня культуры и бытия. Он доверил ему, вчерашнему язычнику, свой дом. Поставил его над всеми другими людьми в своем доме. Не случайно, Амбал все же внял словам Кузмищи, завернул тело убитого в ковер и занес в притвор церкви.

Словами киевлянина, хорошо знавшего быт князей и их способы приобщения к христианству иноверцев, оказавшегося в момент гибели Андрея Юрьевича в Вышгороде, летописец сообщил о тех незатейливых методах, с помощью которых владимирский князь при жизни способствовал расширению и углублению христианизации внутри самой Русской земли, где присутствовало смешение разных народов и где в плане будущего развития преимущества были на стороне христиан. Осуждая ключника Амбала, Кузмище заставляет его задуматься над тем, кем он был до того как стал служить князю Андрею и кем он стал. Амбал выполнил все требования Кузмищи, связанные с погребением покойного.

Церковно-политическая деятельность Андрея Боголюбского, показанная на выше приведенном примере, свидетельствует не только о том, что владимирский князь был образованным человеком своего времени, но знал и следовал советам известных Отцов Православной Церкви. Этот рассказ говорит также и о том, что так воспитывались и поступали другие князья. В Ипатьевской летописи нет ни одного примера, в котором, как принято сейчас говорить, представители формирующейся элиты противопоставляли бы себя простому населению Руси. Наоборот, летопись позволяет предположить, что князья считали себя ответственными за простых людей перед Богом, что именно с помощью князей «черные люди» должны были подняться на иной, более развитый, уровень жизни и культуры, на уровень других социальных отношений. Этим можно объяснить доверительные отношения между Андреем Боголюбским и его придворными служителями, вчерашними язычниками. Этим можно объяснить частые беседы князей со своими дружинами (например, под 6631 (1123) г. источник от

⁷ Амбал – распространенное осетинское имя, в переводе обозначающее «друг».

⁸ Большая советская энциклопедия. М., 1978. Т. 30. С. 567.

⁹ Дьяченко Г., *свящ.* Полный церковно-славянский словарь. М., 2010. С. 380.

¹⁰ Ипатьевская летопись. Стб. 590–591.

имени Владимира Мономаха обращается к дружине: «вижѣте братие коль блѣтъ Бѣ и млѣтъ на смиреннѣа и на праведнѣа призираа», то есть, любя, относясь к ним милостиво¹¹, «и мыщаа ихъ», то есть, мстя за них¹²; или под 6658 (1150) г. источник передает обращение киевского князя Изяслава Мстиславича к своей дружине: «Изяславъ же ре дружинѣ своеи вы есте по мнѣ из Рускы земли вышли своихъ сель»¹³ и другие примеры, подмеченные летописцем¹⁴. В этих простых и понятных словах во время устной беседы видится также метод, с помощью которого князья приобщали некрещеное население Руси к иному образу жизни, а крещеным лишний раз напоминали о нравственных основах христианства и их силе. Этим объясняется и готовность русских князей умереть вместе с простецами, если того требовала ситуация.

Эта последняя мысль четко подчеркивается в Ипатьевской летописи в Повести о совместном походе князей в 1185 г. на половцев. Во главе стоял Игорь Святославич Новгород-Северский. Вместе с ним со своими дружинами в поход отправились брат Игоря Всеволод Трубчевский, племянник Игоря Святослава Ольговича Рыльский, двенадцатилетний сын Игоря Владимир Путивльский, боярин Ярослава Черниговского Ольстин Олексич с ковуями¹⁵. Рассказывая о походе, летописец прибегал к таким обращениям Игоря к его участникам, как «и ре^ч бо аромъ своимъ и дружинѣ своеи», «ре^ч братьяа и дружино», «ре^ч с братьею своею». Кроме бояр, дружин и княжеских мужей, составитель Повести называет стрельцов «иже бахоуть ѿ всихъ князий выведении». Они составляли «трети полкъ», находившийся «на переди». Но, половцы были подготовлены к встрече с русскими воинами намного лучше. Летописец записал: «свѣтаючи же соуботѣ начаша выступати полци Половецкии акъ боровѣ изоумѣшася кнзи Рускии комоу ихъ котороу поѣхати бы^с бо ихъ бещисленоѣ множество и ре^ч Игорь се вѣдауче собрахомъ на са землю всю Кончака и Козоу (Козо) Боурновича и Ток^собича Колобича (Коуловича) и Этебича и Терьтробича (Трьтробича)»¹⁶.

Ссылаясь на летописный рассказ о походе Игоря в 1185 г., С. А. Плетнева справедливо пишет, что «русские были обречены на гибель, несмотря на безусловное мужество их военачальников и на их благородное решение не бежать, вырвавшись из вражеского кольца, к Донцу, чтобы не оставлять на расправу пещих воинов»¹⁷. Исследовательница опустила лишь мотивацию, по причине которой, по мысли летописца, князья не бросили «черных людей» на явную гибель.

Между тем, в Ипатьевской летописи прямо говорится о том, что князья обсуждали сложившуюся ситуацию и понимали, что если они ускачут, то спасут свои жизни. Обратимся к источнику. Князья «молвахоуть бо вже побѣгнемъ оутечемъ сами а чернѣа люди вставимъ то ѿ Ба^н ны боудеть грѣхъ сихъ выдавше поидемъ но или оумремъ или живи боудемъ на единомъ мѣстѣ и та рекше вси

¹¹ Там же. Стб. 288; Полный церковно-славянский словарь. С. 496; *Срезневский И. И.* Словарь древнерусского языка. М., 1989. Т. 2. Ч. 2: П–С. Стб. 1401.

¹² Ипатьевская летопись. Стб. 288; *Срезневский И. И.* Словарь древнерусского языка. М., 1989. Т. 2. Ч. 1: Л–О. Стб. 237–238.

¹³ Ипатьевская летопись. Стб. 409.

¹⁴ Там же. Стб. 287, 409, 569.

¹⁵ *Плетнёва С. А.* Половцы. М., 2010. С. 78–105.

¹⁶ Ипатьевская летопись. Стб. 641.

¹⁷ *Плетнёва С. А.* Половцы. С. 176.

со съдоша с конѣи и поидоша бьучеса»¹⁸. Князья считали себя ответственными перед Богом за простых людей и все, за небольшим исключением, погибли.

С точки зрения рассматриваемой темы, сводчик сообщает о том, что князь Руси с детства воспитывался бережно относиться к людям не княжеского происхождения, отвечать за их судьбу. До настоящего времени летописное повествование производит на читателя сильное впечатление. Можно только догадываться о том, какое воздействие оно имело на современников.

Свидетельства Киевского свода 1198 г. по Ипатьевской летописи, сохранившиеся в статьях под 6683 (1174) г. и 6693 (1185) г., где представлены Повести о гибели владимирского князя Андрея Боголюбского и о походе русских князей во главе с новгород-северским князем Игорем Святославичем, «внуком Олега», против половцев, являются самыми яркими примерами в истории изучения обозначенной темы. И тот, и другой сюжеты много раз изучались исследователями. Пересказать их содержание может любой школьник.

Андрей Боголюбский, один из самых выдающихся героев летописных повествований, в том числе Ипатьевской летописи. Ему посвящены специальные труды историков всех поколений, без него не написан ни один учебник. Его личность изучалась со всех сторон и находила разные оценки. Немало сказано и о церковно-политической деятельности владимирского князя. Так, подробно исследованы и разобраны литературные произведения, посвященные св. Богородице, другим святым, относящиеся ко времени его княжения. Детально изучены храмовые строения, возведенные во Владимире, Боголюбове, Ростове, Суздале и др. местах. Показано их культурно-историческое значение¹⁹. Но в своей деятельности князь Андрей, видимо, не упускал случая при каждой подходящей ситуации объяснять нехристианам явное превосходство христианской веры в сравнении с язычеством. Можно сказать, что речь идет о церковной деятельности Андрея Боголюбского, направленной на культурно-просветительское служение Руси в условиях формирования древнерусского этноса на уровне повседневного общения с нехристианами или с недавно крещеными.

Немалая литература посвящена и изучению похода Игоря на половцев в 1185 г. Исследователи до сих пор спорят об истории происхождения «Слова о полку Игореве», в основании которого лежат материалы Ипатьевской летописи о походе²⁰. Но, несмотря на укор в адрес Игоря за его поспешность, неподготовленность к победоносному сражению, потерю бдительности во время похода, Повесть, полная трагизма, написана сводчиком с любовью к русским людям XII в. в целом. Летописец подчеркнул не только стойкость и твердость характера участников похода, но и верность тем нравственным идеям, которые им прививались с детства.

Больше всего в тексте Ипатьевского летописного свода уделяется внимания характеру взаимоотношений между князьями, что не является случайностью. Ипатьевская летопись является княжеским сводом и, естественно, в ней наибольшее внимание уделяется князьям правящего рода Рюриковичей и событиям, связанным с ними. Слова, с помощью которых дается им оценка сводчиком на протяжении всего изучаемого времени, то есть с 1118 по 1198 г., не меня-

¹⁸ Ипатьевская летопись. Стб. 641.

¹⁹ Воронин Н. Н. Андрей Боголюбский; Погосин М. П. Андрей Боголюбский. М., 1850.

²⁰ См., напр.: Ломов А. М. «Слово о полку Игореве» и вокруг него. Воронеж, 2010.

ются. Они звучат как правило, которое призвано в условиях постоянного междоусобиц приучать князей к размышлению и гибкости, дипломатии, взвешенному, уважительному отношению друг к другу и окружающим.

Самый ранний по хронологии интересующий сюжет относится к 6631 (1123) г. В нем даются рассуждения летописца о гордых и смиренных, которые начинаются с замечания о том, что об отношении Бога к гордым и смиренным «писание глѣтъ». Летописец не сообщил конкретно какое писание он имел ввиду, но эта фраза им не выдумана. В одном из произведений Нового Завета Библии, именно в «Первом соборном послании святого апостола Петра», в главе о «Наставлениях о верности, смиренности и бодрствовании» записано: «...подчиняясь друг другу, облекитесь смиренномудрием, потому что Бог гордым противится, а смиренным дает благодать» [1 Петр. 5: 5].

Пример связан со смертью князя Ярослава Святополковича под стенами Владимира-Волынского (1123). Рассказ начинается с описания похода Ярослава Святополковича к г. Владимиру-Волынскому, который занимает 50 из 56 строк 287 и 288 столбцов текста статьи. При этом летописец сообщил не только о событиях «рано в недѣлю» вокруг осажденного г. Владимира: «Ярославъ Сѣполчичь съ Оугры и с Лахы и с Чехы и с Володаремъ и Василкомъ» «и множество вои бѣ с нимъ и обиступиша городъ»; «Андрѣю сущу тогда в немъ и Володимеру не поспѣвщю ис Кыева съ Мьстиславомъ снѣомъ своимъ», но, главное, передал душевное состояние героев своего повествования. Ярослав «разгордѣвшю²¹, надѣаса на множество вои». «Андрѣи же имаше надежу велику на Ба съ всеми людьми своими и на ѿца своего млѣтву надѣашеться». «Володимеру бо еще в Киевѣ сущю собирающю ему вои многи и молащю Ба ѿ насильи и ѿ гордости Ярославли»²².

При жизни киевского князя Святополка Изяславича его сын Ярослав княжил во Владимире-Волынском. По Лаврентьевской и Ипатьевской летописям, он был храбрым воином, ходил в походы и одерживал победы над половцами²³. В 1117 г. Владимир Мономах с князьями-союзниками Давидом Ольговичем, Володарем и Васильком подошли к г. Владимиру-Волынскому, осадили его «и стоаша днѣи шестьдесят и створи миръ с Ярославомъ». Ярослав дал обещание подчиниться киевскому князю, но не сдержал его. Владимир лишил Ярослава княжеского стола и посадил во Владимире-Волынском сначала своего сына Романа, а после его смерти сына Андрея. В 1123 г. Ярослав, опираясь, по Ипатьевской летописи, на поддержку поляков, венгров и чехов пытался вернуть себе город, князем которого он был еще недавно. Вскоре после переговоров с князем Андреем возле стен города, на него напали из-за засады некие «два Лаха» и «пободоста и»²⁴. М. Д. Присѣлков, оценивая случившееся, прямо писал о заговоре Мономаховичей против Ярослава Святополковича²⁵.

²¹ Полный церковно-славянский словарь. С. 538; Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. М., 1989. Т. 3. Ч. 1: Р–С. Стб. 33.

²² Ипатьевская летопись. Стб. 286–288.

²³ Там же. Стб. 273; Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку // ПСРЛ. Т. 1. М., 1962. Стб. 289.

²⁴ Ипатьевская летопись. Стб. 287.

²⁵ Присѣлков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб., 2003. С. 183.

Киевский свод Рюрика Ростиславича – единственный источник, в котором подробно рассказывается о событиях вокруг г. Владимира-Волынского после смерти киевского князя Святополка Изяславича, оценивает события иначе. Летописец сообщил и о внутренних переживаниях киевского князя Владимира Мономаха и его сыновей Андрея и Мстислава, и о неумении Ярослава ладить и подчиняться князю Владимиру не только в момент конфликтных отношений, но и задолго до этого. Оценка поведения Ярослава, Владимира и его сыновей дается с религиозных позиций, позиций христианской нравственности в отношениях между князьями, как ее понимал составитель рассказа, опираясь на призыв апостола повиноваться «пастырям», «потому что Бог гордым противится, а смиренным дает благодать».

Библейские «Наставления» касаются отношений между людьми в широком понимании. В них не указаны ранги подчиняющихся и тех, кому следует подчиняться. Формы поведения оцениваются, с одной стороны, как гордость, но не в смысле глупость, а в смысле неумения разобраться в сложившейся ситуации и нежелания ей подчиниться. Такому поведению людей Бог противится. С другой стороны, поведение, которое оценивается как смиренномудрие, но не в смысле грубого подчинения победителю, а в смысле правильного поведения в сложившейся ситуации, за что на разумно поступивших снисходит благодать от Господа. Можно сказать, что летописец подвел общее рассуждение Священного Писания под конкретный случай, чтобы лишний раз подчеркнуть значение власти Владимира Всеволодовича – правителя Русской земли. Тем самым Церковь приучала к мысли о повиновении, подчинении господствующим группам населения, в частности князьям, о чем, как правило, и говорится в литературе. Но необходимо обратить внимание и на то, что Церковь учила трезво оценивать складывающуюся ситуацию, заставляла думать и тем самым оберегала людей от напрасного кровопролития, уничтожения людей и разрушения населенных пунктов.

Включив в статью 1123 г. рассуждение об отношении Бога к гордым и смиренным, сводчик Ипатьевской летописи обращается далее к этой теме во многих других статьях, например, в статьях под 6667 (1158), 6680 (1169), 6681 (1170), 6682 (1173), 6688 (1180) и 6692 (1185) гг., то есть на всем протяжении летописного текста, при этом вкладывая в слова «Гордым Бог противится, а блаженным дает благодать» разный смысл, хотя во всех случаях летописец дает оценку событиям, касающимся поведения князей и межкняжеских отношений. «Наставления» Церкви выступают в Ипатьевской летописи своего рода ориентиром в общественно-политической жизни князей Руси XII в. Обратимся к источнику и рассмотрим еще несколько наиболее ярких примеров.

Следующий случай, связанный с учением Церкви о гордости и смиренномудрии, относится к 1158 г. и связан он с намерением киевского князя Изяслава Давидовича принять участие в военном конфликте между галичским князем Ярославом Осмомыслом и галичанами, поддержавшими Ивана Ростиславича Берладника, на стороне последних. Изяслав намеревался усилить собственные позиции в пределах Галицкого княжества и нуждался в поддержке союзников. Он стал звать в помощь черниговских князей Святослава Ольговича и Святослава Всеволодовича, «велд има поити съ собою на Галичь». Но Святослав Ольгович не только сам не пошел, но и стал уговаривать Изяслава не вмешиваться в галичские дела, говоря ему «кому ищещи волости брату ли или снѣви а добро ти бы ради не починавши переди»²⁶. В ответ на это Изяслав стал угрожать Свято-

²⁶ Ипатьевская летопись. Стб. 499.

славу изгнанием из Чернигова. И далее летописец передает внутреннее состояние Святослава, записывая прямую речь князя, что может свидетельствовать о том, что сохранившаяся запись современна событиям, которым она посвящена.

После того как Святослав Ольгович узнал об угрозе со стороны Изяслава Давидовича, он, со слов летописца, обратился к Богу: «и рече Святославъ ГИ виждь мое смирение колико на ся поступахъ не хотя крови пролитии хрѣтъяньски и ѿцины своеае погубити взати Черниговъ съ зю городъ пустыхъ Моровиескъ Любескъ СѸргощъ Всеволожь а въ нѣхъ сѣдаты псареве же и половци а всю волость Черниговскую собою держить и съ своимъ снѡвцемъ и то ему не досыти но велить ми еще и Щернигова поити а хрѣтъ ко мнѣ цѣловать ако не подозрѣти подо мною Чернигова никимже вбразомъ да Бѣ буди за всимъ и хрѣтъ чѣтныи егоже съступаеши ко мнѣ а а брате не лиха хотя тобѣ бороню не ходити но хотя ти добра и тишины земли Рускыѣ»²⁷. Святослав упрекал Изяслава в том, что он и так «всю волость Черниговскую собою держить» «и то ему не досыти». Святослав не хочет вражды. Летописец подчеркивает смирение черниговского князя Святослава Ольговича перед Господом Богом даже тогда, когда сам оказывается перед возможной потерей власти.

По Ипатьевской летописи, Бог наказал Изяслава. Ему самому пришлось бежать из Киева. Конечно, дело было не только в гордости Изяслава и смирении Святослава Ольговича. Князь Святослав лучше Изяслава понимал военно-политическую ситуацию в Русской земле, сложившуюся во время описываемых событий. Ярослав галицкий, узнав о намерении Изяслава Давидовича, возглавил против него объединенные силы русских князей и подошел к Киеву, угрожая войной. Летописец трактовал события межкняжеских отношений с позиций Церкви. Из летописи видно, что опираясь на писания в период конфликтных отношений между князьями, Церковь старалась примирить спорящие стороны, учила их дипломатии. Но, как политический, так и нравственный уровень развития людей Руси в XII в., в том числе князей, не всегда соответствовал задачам, которые перед ними ставила жизнь.

Идея о Божьем наказании новгородцев «за гордость» «рукою блѡговѣрнаго княза Аньдрѣа» развивается в статье Ипатьевской летописи, записанной под 6681 (1170) г.²⁸ Разгромив Киев в марте 1169 г. и вынудив Мстислава Изяславича вернуться во Владимир-Волынский, суздальский князь Андрей Юрьевич решил закрепить свои позиции в Новгороде. С этой целью был задуман поход на Новгород, где княжил сын Мстислава Роман. Во главе похода стоял сын Андрея Боголюбского Мстислав.

Информация об этом событии есть в Лаврентьевской и Новгородской первой летописях. В Лаврентьевской и Новгородской первой летописях о походе сообщается под 6677 г.²⁹ Точных дат о событии в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях нет. В Лаврентьевской отмечается, что поход состоялся зимой. Точная дата о победе новгородского войска во главе с новгородским князем Романом Мстиславичем над войском Мстислава Андреевича названа в Новгородской первой летописи. Летописец записал, что «въ среду, приступиша силою и бишася

²⁷ Там же. Стб. 500.

²⁸ Там же. Стб. 559–561.

²⁹ Лаврентьевская летопись. Стб. 361–362; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 221.

весь день; и к вечеру побѣди князь Романъ» «с новгородци, силоу крестною и святою богородицею и молитвами благовѣрнаго владыкы Ильи, мѣсяца февраля въ 25, на память святого отца Тарасия, патриарха Цесаряграда»³⁰. По церковному календарю, названный церковный праздник приходился на среду 25 февраля в 1170 г. Н. Г. Бережков относил сообщение Ипатьевской летописи о походе к концу 6677 (1169/70) г., а часть, касающуюся возвращения из похода, к самому началу 6678 (1170/71) г. Проставление 6681 г. перед сообщением о походе на Новгород в Ипатьевской летописи Н. Г. Бережков считал недосмотром сводчика Киевского свода при работе с разными летописными источниками³¹. Рассказ о походе на Новгород в Ипатьевской летописи исследователь считал владими́ро-суздальским известием³².

Город взять Мстиславу не удалось, хотя причину самого похода, то есть Божьего наказания, сводчик объяснил грехами новгородцев, именно, гордостью, в данном случае выразившейся в нарушении договоров с князьями, скрепленных обрядом крестного целования (злое невѣръствие в нихъ вкоренилоса крѣть къ княземъ преступати и князѣ внуки и правнуки вбеществовати и соромлати а крѣть чѣтныи к нимъ цѣловавъши переступати). Победу новгородцев во главе с князем Романом Мстиславичем летописец объяснил заступничеством за них Богородицы, просившей «снѣ своего», чтобы он новгородцев «не искоренилъ а коже преже Содомы и Гоморы но ако Ниневыгитаны помилова» «зане хрѣтъанѣ суть пишеть бо гла Двѣ наказаѣ накажи ма рече Гѣи смѣрти не предаи мене»³³. Заступничество Богородицы связано в летописи с описанием знамения, которое, якобы, видели новгородцы за три года до этих событий. В трех новгородских церквях плакала «на трѣхъ иконахъ стаѣ Бѣа». Новгородцы приняли это за предсказание о пагубе «хоташюу быти надѣ Новымъгородомъ и надѣ его волостью».

Что касается Новгородской земли, то здесь владими́рцы «много зла створиша села вса взаша и пожгоша и люди по селомъ исѣкоша а жены и дѣти имѣньа и скоть поимаша». В Ипатьевской и Лаврентьевской летописях это сообщение дается одинаково. Владимиро-суздальский источник объясняет причину новгородской беды грехами самих новгородцев - «се быѣ за наша грѣхы» в Ипатьевской летописи и «се же быѣ за наши грѣхы» - в Лаврентьевской.

После описания знамения в летописях продолжается общий текст: «тако и сия люди Новьгородскыѣ наказавъ и смири а до зѣла за преступление крѣтьное и за гордость ихъ наведи на на млѣтью своею избави граѣ ихъ». Заканчивается рассуждение о Божьем наказании возгордившихся новгородцев словами: «доколь Гѣви терпѣти над ними за грѣхы навель и наказа по достоиньбу рукою блговѣрнаго княза Аньдрѣа»³⁴. Таким образом, летописец объяснял причину похода на Новгород сына Андрея Юрьевича Боголюбского и оправдывал его действия.

Рассуждение летописца о Божьем наказании новгородцев за их гордость было записано во Владимире на р. Клязьме при Андрее Юрьевиче Боголюбском и было направлено на оправдание мер, к которым прибегал князь Андрей, пытаясь подчинить своей власти и привести к послушанию неповинующихся новго-

³⁰ НПЛ. С. 221.

³¹ Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963. С. 184–185.

³² Там же. С. 185.

³³ Присѣлков М. Д. Очерки по церковно-политической истории... С. 625.

³⁴ Ипатьевская летопись. Стб. 560–561.

родцев. За проявлявших гордость (непослушание неугодным князьям) новгородцев заступилась «стаа» Богородица. Она молила Бога не предавать новгородцев смерти, так как они были христианами (зане хрѣтъанѣ суть). Успешную защиту Новгорода от воинов Мстислава Андреевича («новгородци же стаща твердо о князи Романѣ Мъстиславлици, о Изяславлѣ внуцѣ, и о посадници Якунѣ, и устройша город»³⁵, то есть дополнительные укрепления около Новгорода, сводчик Киевского свода 1198 г. объяснил с позиций нравственных основ христианства. С одной стороны, он оправдывал действия владимирского князя – новгородцы заслужили наказание за «гордость», то есть непослушание, с другой – Бог проявил милосердие к жителям крупнейшего православного центра города Новгорода, за их верность православию.

В другой ситуации Ипатьевская летопись оценивает поведение Андрея Боголюбского иначе. Она осуждает его самого за гордость. В статье под 6682 (1173) г. сводчик сообщил о том, что «нача Аньдрѣи вины покладывати на Ростиславичи». Князь Андрей Юрьевич Боголюбский стал обвинять Романа, Давида и Мстислава Ростиславичей в покровительстве убийц его брата Глеба. Так как Ростиславичи не захотели выдать Андрею «Григора Хотовича и Степаньца и Сѣлексу Стѣсловца яко тѣ суть оуморилѣ» Глеба и не захотели «ходиши в моеи воли», Андрей потребовал от киевского князя Романа «пойди с Киева а Дѣдъ исъ Вышегорода а Мъстиславъ из Бѣлагограда». Андрей говорил им: «а то вы Смоленскъ а темъ сѣ подѣлите». Андрей велел идти на киевский стол своему брату, князю «ис Торцького» Михалке Юрьевичу. Ростиславичи вышли из Киева. Михалко отказался княжить в Киеве и послал туда вместо себя «брата Всеволода и сновьца своего Арополка Ростиславича». В Киеве сел Всеволод Юрьевич.

Ростиславичи, обидевшись на князя Андрея за то, что он «ихъ лишаеъ Руськой земли», послали к нему послов со словами: «брате въ правду тѣ нарекли есмы вѣдѣмъ собѣ и крѣтъ есмы цѣловали к тобѣ и стоимъ въ крѣтъномъ цѣлованѣи хотаче добра тобѣ» «а се нынѣ брата нашего Романа вывелъ еси исъ Киева а намъ путь кажешѣ и изъ Руськой земли без нашеѣ вины». Сводчик Киевского свода 1198 г. по Ипатьевской летописи написал, что князь Андрей им не ответил и тогда Ростиславичи «оузрѣвъше на Бѣ и на силу чѣтнаго крѣта и на млѣтву стѣи Бѣцѣ въхавъше въ ночь въ Киевѣ на похвалу стѣи Бѣи и аша Всеволода Юрьевича и Арополка Юрьева внука и Лаха Володислава и Михна и боары всѣ братьѣ же даша Киевѣ Рюрикови». Князь Рюрик Ростиславич, сообщил летописец, «вниде въ Киевѣ славою великою и чѣстью и сѣде на столѣ вѣдѣ своихъ и дѣдѣ своиѣ». Далее летописец сообщил о том, что на сторону Ростиславичей перешли брат князя Андрея Михалко Юрьевич и черниговский князь Святослав Всеволодович. Таких рассказов в Лаврентьевской и Новгородской первой летописях нет.

Сводчик Киевского летописного свода Рюрика Ростиславича подробно, вплоть до мельчайших деталей, рассказал сначала о дипломатическом, а потом и военном противостоянии между владимирским князем Андреем Юрьевичем и Ростиславичами за право править Русской землей. Уже в первом предложении летописец сообщил о том, что Андрей «розьгнѣваса на Ростиславичи про Хотовича воли его не оучиниша». Надеясь на поддержку черниговских Ольговичей, Андрей «исполнивсѣ высокооумѣ разгордѣвсѣ велми надѣсѣа плотной силѣи и множествомъ вои вгородивсѣ ражѣгсѣ гнѣвомъ». Он посылает к Ростиславичам

³⁵ НПЛ. С. 221.

своего «мъчника» Михна, чтобы тот в очередной раз передал им оскорбительное требование владимирского князя: «ты же Рюриче поиди въ Смолньскъ къ брату во свою вѣну а Дѣдвѣ рци а ты поиди въ Берладъ а в Руськой земли не велю ти быти а Мьстиславу молви в тобѣ стоять все а не велю ти в Руской землѣ быти»³⁶.

Переговоры закончились ссорой, в которой особенно дерзко вел себя Мстислав Ростиславич. Летописец написал, что «Мьтиславъ бо ѿ оуности навькль баше не оуполошитиса нико^ѣ же но токѣмо Ба^ѣ единого блюстиса». По Ипатьевской летописи, Мстислав «повелѣ Андрѣва посла емше постричи голову передъ собою и бороду», говоря при этом: «иди же ко князю и рци ему мы та до сихъ мѣсть акы ѿѣа имѣли по любви аже еси съ сакыми рѣчми прислалъ не акы къ князю но акы къ подручнику и просту члѣву а что оумыслилъ еси а тое дѣи а Бѣ за всѣмъ»³⁷. «Аньдрѣи же то слышавъ ѿ Михна и бы^ѣ вбразъ лица его попуснѣлъ и възостриса на рать». Он собрал громадное войско общей численностью в «нѣ тысячь» человек и послал с ним своего сына Юрия и воеводу Бориса Жидиславича, «Рюрика и Давыда велѣ имъ изыгнати изъ вѣчины своеи а Мьстислава емше не створите ему ничто же приведете и ко мнѣ»³⁸.

Оценивая поведение князя Андрея, как действия, идущие «ѿ сѣти многолукаваго дѣвола иже воюеть на крѣтъяны», летописец далее рассуждает о гордых и смиренных. Он пишет, что князь Андрей был «толикъ оумникъ сы во всихъ дѣлѣхъ», но он «погуби смыслъ свои» «невоздержаниемъ располѣвса гнѣвомъ такова оубо слова похвална испусти». Он забыл о том, что «Бѣи студна и мерьска хвала и гордость си бо всѣ быша ѿ дѣвола на ны иже всѣваеть въ срѣце наше хвалу и гордость ажеже Павель глѣтъ гордымъ Бѣ противитсѣ а смиреннымъ даеть блѣгодать еже и збы^ѣстсѣ слово апѣла»³⁹. В данном случае важно подчеркнуть мысль, высказанную еще А. А. Шахматовым о том, что в статье 6682 г., поведение князя Андрея оценивается с позиции осуждения христианством такой черты в межкняжеских отношениях, как самовосхваление и возвышение себя над себе подобными.

После подробного описания хода военных действий, закончившихся победой Ростиславичей, составитель Киевского свода 1198 г. снова возвратился к рассуждению о гордых и смиренных. Он записал: «Мьстислав же много пота оутерь с дружиною своею и не мало мужьства показа с мужьми своими се оуже сбы^ѣсѣ слово апѣла Павла рекша еже передѣ написахомъ вознослисѣ смиритсѣ а смирилсѣ възнесетсѣ и тако възвратишасѣ всѣ сила Андрѣа княза Суждальского совокупилъ бо башеть всѣ землѣ и множеству вои не баше числа пришли бо бѣху высокомыслаще а смиреннии ѿдоша в дома своѣа»⁴⁰. Ростиславичи «положиша» «старѣшинство» на своего двоюродного брата Ярослава Изяславича и посадили его в Киеве.

Рассказы, изученные в составе статьи 6682 г. Ипатьевской летописи, имеют оригинальный характер. Составитель рассказов, прибегая к уже известному по прежним статьям летописному приему ссылаться на Послание апостола, умело обвинил владимирского князя Андрея Юрьевича в самоуправстве. Подоб-

³⁶ Ипатьевская летопись. Стб. 573.

³⁷ Там же. Стб. 573.

³⁸ Там же. Стб. 573–574.

³⁹ Там же. Стб. 574.

⁴⁰ Там же. Стб. 577–578.

но тому, как в статьях 6681 гг. летописец обвинил в гордости новгородцев, осмелившихся противиться власти князя Андрея, теперь он осудил князя Андрея, осмелившегося поднять руку на власть себе подобных. Летописец на стороне Ростиславичей. Слова апостола, на которые он прямо ссылается, дают ему возможность обоснования прав Ростиславичей на власть в Русской земле. Он показывает их смиренными по отношению к старейшинству князя Андрея Юрьевича, то есть к той системе отношений между князьями, которая имела место в Русской земле в то время. В XII веке искренне считали, что как только Андрей Юрьевич решил изгнать смоленских князей из Русской земли его постигло Божье наказание за его высокоумие.

В статьях под 6688 (1180) и 6692 (1185) гг. в Ипатьевской летописи снова встречаются рассуждения о гордых и смиренных⁴¹. В аналогичных статьях Лаврентьевской летописи этой информации нет, что позволяет в очередной раз судить об оригинальности сообщений Киевского свода 1198 г.

События статьи под 1180 г., в связи с которыми летописец записал: «Бѣ бо не любить високоіа мысли нашиа возносащаго смираеть», связаны с изменением политической ситуации в Киеве к этому году. После краткой информации о заключении союзных договоров между черниговскими князьями Святославом Всеволодовичем, Ярославом, Игорем и Всеволодом, летописец сообщил о том, что Святослав Всеволодович послал своего сына Глеба в Коломну в Рязанское княжество на помощь местным князьям и «зати своему Романови», так как они были «ратни» с владимирским князем Всеволодом Большое Гнездо. Всеволод, узнав, что Святослав прислал Глеба, пригласил последнего к «сѣобѣ»⁴², а когда тот, повинувшись ему, приехал «вн же има и и вкова и и посла и в волость свою Володимѣрь и пристави емоу сторожѣ и дружиноу его тако же изымаша вколо его». Святослав, «слышавъ же» «располѣса гнѣвомъ и раждѣса аростью и размысли во оумѣ своемъ река ажо мьститься быхъ Всеволодоу». И решил Святослав сначала расправиться с Давидом и Рюриком Ростиславичами: «Дѣда имоу а Рюрика выженоу изъ землѣ и приимоу единѣ власть Роускоую и с братьею и тогда мыщюса Всеволодоу вбиды своѣ»⁴³.

В ответ на замыслы Святослава летописец записал: «Бѣ бо не любить високоіа мысли нашиа возносащаго смираеть», а затем стал на конкретных примерах показывать силу Божьего слова. Давида Ростиславича Святославу взять не удалось, так как «его» «Бѣ соблюде и неврежена». Неудачей закончился и поход Святослава против Всеволода. Дойдя до р. Влены в Суздальской земле, Святослав вернулся назад.

Далее летописец подчеркнул мысль о том, что после неудач Святослав смирился с тем, что сын Глеб находился в плену и вскоре, со слов летописца, у Святослава все пошло на лад. Прежде всего, он помирился с Ростиславичами. Правда, летописец подчеркнул в этом заслугу Рюрика Ростиславича. Вернувшись с победой над половцами, Рюрик «ничто же горда оучини но возлюби мира паче рати ибо жити хота въ братолюбьи паче же и хрѣтъанѣ дѣла» «и размысливъ с моужи своими оугадавъ бѣ бо Стѣславъ старѣи лѣты и оурадивса с нимъ сѣстоупи»⁴⁴ емоу старѣшинства и Киева а собѣ воза всю Роускоую (Роускоую)

⁴¹ Там же. Стб. 615, 635.

⁴² Там же. Стб. 614.

⁴³ Там же. Стб. 615.

землю и оутвердившеса крѣтмъ чѣтнымъ и тако живаста оу любви»⁴⁴. Черниговский князь Святослав Всеволодович сел в Киеве. Вскоре после этого суздальский князь Всеволод Юрьевич «поусти Глѣба Стѣславича и ѡвковъ приае великую любовь съ Стѣславомъ и сватася с нимъ и да за сна̄ его меншаго свестъ⁴⁵ свою»⁴⁶.

Современному исследователю понятно, что анализ событий, в связи с которыми в статье 1180 г. в Киевском своде 1198 г. упоминаются слова о гордых и смиренных, показывает, что на поведение черниговского князя Святослава Всеволодовича повлияло изменение политической ситуации в Русской земле. Он стал киевским князем. В этом случае его отношения с владимирским князем Всеволодом Большое Гнездо должны были развиваться иначе. Ему не следовало беспокоиться за жизнь своего сына Глеба. Так постепенно лучшие представители из русских князей XII столетия учились мудрости, политическому кругозору, сдержанности в своих решениях и поступках. И совсем не важно, что при этом они опирались на простые, понятные им слова, которые они узнали из церковного писания. А ничего другого тогда и не было!

Источники и литература

1. *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М.: Издательство Академии наук СССР, 1963.
2. Большая советская энциклопедия. М., 1978. Т. 30.
3. *Воронин Н. Н.* Андрей Боголюбский. М.: Водолей Publishers, 2007.
4. *Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 2. 2-е изд. СПб., 1908.*
5. *Карамзин М. Н.* История государства Российского: в 12 т. М.: Наука, 1989. Т. 1.
6. *Кривошеев Ю. В.* Гибель Андрея Боголюбского. Историческое исследование. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003.
7. *Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку // Полное собрание русских летописей. Т. 1. М., 1962.*
8. *Ломов А. М.* «Слово о полку Игореве» и вокруг него. Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2010.
9. *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950.*
10. *Панова В. И.* Митрополиты и епископы Руси в XII веке по материалам Ипатьевской летописи. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2016.
11. Библия: Книги священного писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. М.: Протестант, 1991.
12. *Плетнёва С. А.* Половцы. М.: Ломоносовъ, 2010.
13. *Погодин М. П.* Исследования, замечания и лекции о Русской истории. Т. 1: Об источниках Древней русской истории, преимущественно о Несторе. М., 1846.
14. *Погодин М. П.* Андрей Боголюбский. М., 1850.
15. *Дьяченко Г., свящ.* Полный церковно-славянский словарь. М.: Отчий дом, 2010.
16. *Присёлков М. Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб: Наука, 2003.
17. *Срезневский И. И.* Словарь древнерусского языка. М.: Книга, 1989. Т. 2. Ч. 1: Л–О.
18. *Срезневский И. И.* Словарь древнерусского языка. М., Книга, 1989. Т. 2. Ч. 2: П–С.
19. *Срезневский И. И.* Словарь древнерусского языка. М., Книга, 1989. Т. 3. Ч. 1: Р–С.

⁴⁴ Там же. Стб. 623–624.

⁴⁵ Полный церковно-славянский словарь. С. 1102.

⁴⁶ ИЛ. Стб. 624.